

Masarykova univerzita

Pedagogická fakulta

**Актуальные проблемы обучения
русскому языку
XII**

**Current issues
of the Russian language teaching
XII**

Anastasia Sokolova (ed.)

Brno 2016

ОБРАЗЫ «ТИШИНЫ» И «МОЛЧАНИЯ» В ПОЭЗИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«QUITNESS» AND «SILENCE» IN B. L. PASTERNAK'S POETRY: LINGUISTIC ASPECT

Анна Владимировна Жизниченко,
Лариса Борисовна Крюкова

Резюме: В статье рассматриваются лингвистические средства выражения образов «тишины» и «молчания» и их роль в текстообразовании. Лексические и синтаксические единицы с перцептивной семантикой репрезентируют индивидуально-авторское мировосприятие и позволяют ярко и точно передать желаемые впечатления и ощущения. Индивидуально-авторское описание «тишины» и «молчания» возникает в результате различных семантических и синтаксических трансформаций (например, замена лексических единиц во фразеологизме, «нанизывание» однокоренных слов, использование синонимов и др.).

Исследование языковых единиц с семантикой «тишины» и «молчания» в стилистическом аспекте позволяет говорить о том, что автор использует такие изобразительно-выразительных средства как метафора, олицетворение, метонимия, контраст, оксюморон, инверсия. Важно, что олицетворение «тишины» напрямую связано с семантикой движения. «Тишина» вездесуща, она способствует прозрению, провоцирует мыслительную деятельность и воображение. Традиционно тишина встраивается в ассоциативный ряд «сон» – «зима» – «смерть».

Частичный лингвистический анализ стихотворений «Присяга» и «Тишина» подтверждает мысль о значимости исследуемых перцептивных образов в поэтическом творчестве Б. Пастернака. В первом случае, стихотворение строится по принципу контраста от «громкого звучания» (праздника) – к «отсутствию звучания / глухоте». Во втором, наоборот: от полного отсутствия звуков – к тихому звучанию и его усилению (помимо структурно-семантического приема контраста используется синтаксический прием чередования).

Образы «тишины» и «молчания» в поэзии Б. Пастернака являются семантически и структурно значимыми, а языковые средства их выражения необходимо рассматривать как специфические характеристики авторского идиостиля.

Ключевые слова: лингвистический анализ, перцептивная семантика, «тишина», «молчание».

Abstract: In the article linguistic means of verbalization of «quietness» and «silence» images and their role in a creation of the text are considered. Lexical and syntactic units with perceptual semantics represent author's world perception and allow to convey desirable impressions and senses brightly and precisely. The individual description of «quietness» and «silence» results from various semantic and syntactic transformations (for example, replacement of some lexical units in the phraseological locution, "threading" of cognate words, use of synonyms, etc.).

Research of linguistic units with semantics of «quietness» and «silence» in stylistic aspect allows to say that the author uses such figures of speech as a metaphor, personification, a metonymy, contrast, an oxymoron, inversion. It is important that the personification of «silence» is directly connected with semantics of the movement.

«Silence» is ubiquitous, it promotes enlightenment, provokes cogitative activity and imagination. Traditionally the silence is built in an associative array "dream" - "winter" - "death".

The partial linguistic analysis of poems "Oath" and "Silence" confirms thought of the importance of the studied perceptual images in poetic creativity of B. Pasternak. In the first case, the poem is under construction by the principle of contrast from «loud sounding» (holiday) to «lack of sounding / deafness». In the second, on the contrary: from total absence of sounds to silent sounding and its strengthening (besides structural-semantic device of contrast syntactic reception of interchange is also used).

Images of «quietness» and «silence» in B. Pasternak's poetry are semantically and structurally significant, and linguistic means of their representation need to be considered as specific characteristics of the author's individual style.

Key words: linguistic analysis, perceptual semantics, «quietness», «silence».

Слух является ведущим типом перцепции в поэзии Б. Л. Пастернака. На это указывает, прежде всего, количество высказываний, вербализующих слуховое восприятие (далее – СВ), – более 900 высказываний в 364 стихотворениях (исследовано 496 (Пастернак, 1990)). В поэтических произведениях Б. Л. Пастернака в процессе моделирования ситуации СВ значимым является не только процесс звучания, но и его отсутствие.

Художественные образы «тишины» и «молчания» формируются с помощью целого комплекса различных лексических и синтаксических языковых средств, как узуальных, так и индивидуально-авторских.

Среди лексических единиц численно доминируют существительные: *тишина* – 15 словоупотреблений, *тишь* – 13, *затишье* – 3, *затишь* – 2, *безмолвье* – 5, *молчанье* – 2. *Тишина* (и приведенные однокоренные слова) в поэзии Б.Л. Пастернака характеризует состояние окружающего мира: *И слышно: далеко, как в августе / Полночь в полях назревает. / Ни звука. И нет соглядатаев («Плачущий сад»)*, *молчанье* и *безмолвие* маркируют отсутствие говорения, т.е. относятся к человеческому существованию: *В молчаньи твоего ухода / Упрек невысказанный есть («Памяти Марины Цветаевой»)*. Указание на молчание неодушевленных объектов и явлений приводит к их олицетворению: *И улицы старинной Праги / Молчат, одна другой извилистей («Весна»); И долго безмолвствует лес, / Следя с облаков за пронесшейся шляпкой («Орешник»)*. В высказываниях, где отсутствие (исчезновение) звучания вербализовано предикативным способом, поэт использует глаголы: *молчать* – 6, *безмолвствовать* – 2 и *стихать / стихнуть* – 4: *Я знал, что пожизненный мой собеседник, / Меня привлекая страшнейшей из тяг, / Молчит, крепясь из сил последних, / И вечно числится в нетях («Баллада»); К ногам прилипает наждак. / Долбеж понемногу стихает («Пространство»)*.

В поэзии Б. Л. Пастернака среди языковых средств, репрезентирующих «тишину» и «молчание», встречаются фразеологизмы и устойчивые словосочетания, характерные для русской языковой картины мира: *Которым на зиму замазкой / Зажать не вызвались бы рот? («Косых картин, летящих ливня...»); Как воды набрала в рот, / Взор уперла в потолок другой («Дик прием был, дик приход...»); Осталось несколько минут, / И тишь наступит гробовая («Магдалина»)*.

Подобные языковые единицы часто подвергаются индивидуально-авторскому переосмыслению, включая новые оттенки значения или приобретая необычную форму: например, *губы на замке / рот на замке – Если губы на замке, / Вешай с улицы другой («Дик прием был, дик приход...»); мелются языком / молоть языком – Что за смысл в этом пойле? / Боже, кем это мелются, / Языком ли, душой ли, / Этот плеск, эти прелести («Пара форточных петелек...»); ворочать языком в значении «произвести речью впечатление» – Научи, как ворочать / Языком, чтоб растрогались («Пара форточных петелек...»)*.

Среди примеров метафоризации *тишины* ведущую роль играет прием олицетворения. *Тишина* предстает в образе бесшумного гепарда: *Представьте дом, где пятен лишена / И только шагом схожая с гепардом, / В одной из крайних комнат тишина, / Облапив шар, ложится под бильярдом («Двадцать строф с предисловием (Зачаток романа «Спекторский»)*) или в образе человека: *Все это режет слух тишины, / Вернувшейся с войны («Высокая болезнь»)*.

Тишина наделяется способностью перемещения в пространстве (предикаты движения): *Стуча, шагает тишина («Голод»)*. На тесную взаимосвязь физического движения и звука указывает синонимичность лексем *тихо* и *медленно*: *С каждым кругом*

тише, тише, / Тише, тише, тише, стоп («Карусель»). Именно в ситуацию вслушивания на фоне отсутствия звуков «встраивается» физическое движение: *Когда в тиши речной таможни, / В морозной тишине земли / Сухой, опешившей, порожней / Лишь слышалось, как сзади шли («9-е января»)*.

В высказываниях, где *тишина* наделяется тактильными характеристиками, следует говорить от синестезии (осязание – слух): *В запорошенной тишине, / Намокшей, как шинель («Еще более душный рассвет»); И сыплется рыхлая тишь с высоты («Баллада»)*.

Для лирического героя стихотворений Б.Л. Пастернака *тишина* вездесуща: *Все тишь! Пока лишь чье-то сердце / Безлюдя, не полоснет («Опять весна в висках стучится...»)*. Она является лишь поводом к вслушиванию в окружающий мир, средством восприятия звуков, до этого не слышимых; позволяет прозреть, понять; в *тишине* обостряется воображение, мыслительная деятельность, чуткость и способность воспринимать не только физически: *А здесь стояла тишь, как в сердце катакомбы. / Был слышен бой сердец. И в этой тишине / Почудилось: вдали курьерский несся, пломбы / Тряслись, и взвод курков мерещился стране («Русская революция»)*.

Традиционно *тишина* встраивается в ассоциативный ряд «сон» – «зима (сон земли)» – «смерть»: *Здесь тишь и сон («Драматические отрывки»); И сон застигнутой врасплох / Земли похож был на родимчик, / На смерть, на тишину кладбищ, / На ту особенную тишь, / Что спит, окутав округ целый («Высокая болезнь»)*. Беззвучие в поэзии Б. Л. Пастернака способно свести с ума, и порою связано с чем-то настораживающим: *Часто казалось, ушей нет, / В мире такая затишь! / Затишь кораблекрушенья, – / Часто казалось, спятишь («Наброски к фантазии «Поэма о ближнем»)*. Несмотря на большое количество негативных коннотаций, восприятие *тишины* не однозначно, она может быть достойна и воспевания: *Тишина, ты – лучшее / Из всего, что слышал («Звезды летом»)*.

Отсутствие звуков и движения в природе тесно связано не только с зимой, но и с другими временами года: например, палящим летним зноем – *Жаркие папоротники. Ни звука. / Муха не сядет. И зверь не сягнет. / Птица не порхнет – палящее лето. / Лист не шелохнет – и пальмы стеной («Будущее! Облака встрепанный бок...»);* осенним спокойствием – *Осенний лес заволосател. / В нем тень, и сон, и тишина («Осенний лес»);* весной – *Опять весна в висках стучится, / Снега землю прожжены, / Пустынный вечер, стертый птицей, / Затишьем каплет с вышины («Опять весна в висках стучится...»)*.

Одновременно используя лексику со значением звучания и его отсутствия, поэт создает противоречивые многогранные образы. Например, образ гор – *Здесь будет облик гор в покое. / Обман безмолвья, гул во рву; / Их тишь; стесненное, крутое / Волненье первых рандеву («Волны»);* или образ рождественской елки – *О, этот шелестящий коленкор / Повешенных в парче своей орешин, / И как нездешний шорох этот смешан / С молчаньем ангела и звоном бус и шпор («И мимо непробудного трюмо...»)*.

Многогранность образа «тишины» создается за счет стилистических приемов антитезы и оксюморона: *Все громкой тишиной дымилось, / Как звон во все колокола («Волны»);* *Ожиданье, сменившее крик: «Отзовись!» / Или эхо другой тишины («Может статья так, может иначе»)*.

Рассмотрим, как «встраивается» противопоставление различных звуков в ткань поэтического текста на примере стихотворения «Присяга», 1946 г. (Пастернак, 1990, 251):

*Толпой облеплены ограды,
В ушах печальный шаг с утра,*

*Трещат пропеллеры парада,
Орут упорно рупора.*

*Три дня проходят как в угаре,
В гостях, в театре, у витрин,
На выставке, на тротуаре,
Три дня сливаются в один.*

*Все умолкает на четвертый.
Никто не открывает рта.
В окрестностях аэропорта
Усталость, отдых, глухота.*

*Наутро отпускным курсантом
Полкомнаты заслонено.
В рубашке с первомайским бантом
Он свешивается в окно.*

*Все существо его во власти
Надвинувшейся новизны,
Коротким сном огня и счастья
Все чувства преображены.*

*С души дремавшей снят наглазник.
Он за ночь вырос раза в два.
К его годам прибавлен праздник.
Он отстоит свои права.*

*На дне дворового колодца
Оттаивает снега пласт.
Сейчас он в комнату вернется
К той, за кого он жизнь отдаст.*

*Он смотрит вниз на эти комья.
Светает. Тушат фонари.
Все ежится, как он, в истоме,
Просвечивая изнутри.*

В представленном стихотворении в отношении контраста вступают первая и третья строфы, что «проявляет текстообразующие возможности» исследуемых языковых единиц (Болотнова 2005, 109). Если в первой строфе представлен полифонический образ города во время парада, то третья, состоящая из трех контекстуально-синонимичных предложений, репрезентирует отсутствие звучания. И в том, и в другом случае речь идет о звуках, издаваемых (или не издаваемых) людьми. Ключевым средством выразительности является метонимия: *орут рупора*, *печальный шаг*. Яркий образ атмосферы общего праздника в первой строфе создается с помощью предикатов с семантикой громкого звучания – *трещат*, *орут*, в третьей – вербализовано наступление «молчания» - предикат *умолкать*, фразеологизм *не открывать рта*, существительное с семантикой состояния *глухота*.

Выбор языковых единиц с перцептивной семантикой и создание с их помощью перцептивных образов свидетельствует об индивидуально-авторском восприятии окружающего мира, и позволяет художнику наиболее ярко и точно передать читателю желаемые ощущения и впечатления.

Тот факт, что стихотворения Б. Л. Пастернака насыщены олицетворениями, можно интерпретировать как способ отражения мировоззренческой концепции поэта, согласно которой природа является одухотворенным носителем истины: «и человек, и природа одинаково одушевлены для него и одинаково одухотворены» (Якобсон 1992, 60). По нашим наблюдениям, касающимся реализации ситуации, описывающей отсутствие всякого звучания, объекты и явления окружающей действительности олицетворяются и наделяются способностью воспринимать: оживший мир, таким образом, является субъектом и объектом восприятия одновременно. Проиллюстрируем данное утверждение на примере анализа стихотворения «Тишина», 1957 (Пастернак, 1990, 95):

*Пронизан солнцем лес насквозь.
Лучи стоят столбами пыли.
Отсюда, уверяют, лось
Выходит на дорог развилке.*

*В лесу **молчанье, тишина**,
Как будто жизнь в **глухой** лощине
Не солнцем заморожена,
А по совсем другой причине.*

*Действительно, невдалеке
Средь заросли стоит лосиха.
Пред ней деревья в столбняке.
Вот отчего в лесу так **тихо**.*

*Лосиха ест лесной подсед,
Хрустя обглаживает молодь.*

*Задевши за её хребет,
Болтается на ветке жёлудь.*

*Иван-да-марья, зверобой,
Ромашка, иван-чай, татарник,
Опутанные ворожкой,
Глазуют, обступив кустарник.*

*Во всём лесу один ручей
В овраге, полном благозвучья,
Твердит то **тише**, то **звончей**
Про этот небывалый случай.*

*Звеня на всю лесную падь
И оглашая лесосеку,
Он что-то хочет рассказать
Почти словами человека.*

О том, что образ «тишины» является центральным (ключевым), свидетельствует название стихотворения. *Тишина* становится объектом описания, а лексические и синтаксические единицы с семантикой отсутствия звучания используются в качестве средства этого описания.

Обратим внимание на то, что лексемы *молчанье* и *тишина* предстают во второй строфе в качестве контекстуальных синонимов. Прилагательное *глухой* (реализующее свое второе значение «незвонкий, приглушенный, неясный») и наречие *тихо* отсылают нас к негромким звукам. То есть ситуация представлена поэтапно (что и определило композицию стихотворения): полное отсутствие звуков – тихое или почти неслышное звучание – явное звучание, вербализованное лексемами *хрустя*, *благозвучья*, *звончей*, *оглашая*. На контрасте происходит некая смысловая игра с читателем: «*то тише, то звончей*».

Не менее значимым образом в анализируемом стихотворении является «ручей». Его олицетворение осуществляется через реализацию перцептивной (звуковой) семантики – звучание ручья сравнивается с речью человека. *Тишина* леса не может быть интерпретирована как «самодостаточная», именно она позволяет услышать звучание ручья и задуматься над тем, что он *хочет рассказать*.

Таким образом, анализ стихотворений позволяет сделать вывод о значимости образов «тишины» и «молчания» в процессе текстообразования, а широкий спектр изобразительно-выразительных средств, репрезентирующих данные образы в поэзии

Б. Л. Пастернака, свидетельствует о значимости семантики звучания (и его отсутствия) в идиостилевом аспекте.

Использованная литература / References

- БОЛОТНОВА, Н. С. (2005): *Филологический анализ текста*. Ч. III. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 272 с. ISBN 5-89428-182-2.
- ПАСТЕРНАК, Б. Л. (1990): *Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1*. Ленинград: Сов. писатель, 1990. 504 с. ISBN 5-265-01643-0.
- ПАСТЕРНАК, Б. Л. (1990): *Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2*. Ленинград: Сов. писатель, 1990. 368 с. ISBN 5-265-1644-9.
- ЯКОБСОН, А. (1992): *Лекции о Пастернаке*. In Почва и судьба. Вильнюс; Москва: Весть, 1992. С. 59-94. ISBN 5-89942-252-3.

Профиль авторов:

Лариса Крюкова, кандидат филологических наук, доцент

Научные интересы: семантика, синтаксис, русский язык как иностранный.

lar-kryukova@yandex.ru

Анна Хизниченко, кандидат филологических наук

Научные интересы: лингвосенсорика, семантический синтаксис, лингвостилистический анализ художественного текста, русский язык как иностранный.

deagirl@mail.ru

Томский государственный университет

Филологический факультет

Кафедра русского языка

634050. пр. Ленина. 36, г. Томск, Россия

About the authors:

Kryukova Larisa, Candidate of Philology, Associate professor

Research interests: syntax, semantics, Russian as a foreign language.

lar-kryukova@yandex.ru

Anna Khiznichenko, Candidate of Philological Sciences

Research interests: perceptual linguistics, semantic syntax, linguostylistic literary text analysis, Russian as a foreign language.

deagirl@mail.ru

The Tomsk State University,

Faculty of Philology, Department of Russian Language

634050, Lenina st., 36, Tomsk, Russia